

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

зять умение справляться со специфическим «шостаковичским» вокалом, а заодно и талант эксцентрических комиков.

Совершенно особое впечатление производит опера, поставленная хореографом. Всё действие подчинено ритму, пространство сцены упорядочено, все движения чем-то обусловлены, ничего лишнего, ничего случайного. Все немного танцуют. Исполнитель роли человека-обезьяны Оранго Павел Рейман аж колесом по сцене ходит. А как танцует хор MusicAeterna! Почти заправский кордебалет.

Впрочем, и собственно балета здесь немало, ведь в действии участвует танцовщица Настя Терпсихорова (Инна Билаш). Мирошниченко вволю «оттянулся», придумывая для кордебалета массовые построения в раннесоветском стиле. Особенности хореографии предполагают просмотр немного сверху, чтобы оценить рисунок массовых танцев. Лучше всего — первый ряд бельэтажа, любимые места Теодора Курентзиса. Потрясающе эффектно смотрится «шестерёнка», созданная сцепленными руками танцовщиков! Напоминает, правда, похожий момент в балете Акрама Хана Dust, но столь удачные мысли всегда носятся в воздухе и посещают светлые головы одновременно.

Массовые «советские» танцы в стиле физкультурных парадов достигают своего апофеоза, переходящего в блестящую пародию, в балете «Условно убитый». Алексей Мирошниченко сочинил безумно смешной, блестяще остроумный спектакль. Комический балет вообще редкое животное, а чтобы по-настоящему смешной — это ещё поискать надо. Но на «Условно убитом» зрители хохотали в голос!

Главный, наверное, фокус «Условно убитого» — это мастерский баланс между стилизацией и пародией. Сценическое оформление, созданное по эскизам Александры Экстер, сохраняет стиль советского авангарда, но пародийное начало снижает его пафос. Сценическое действие наполнено милыми отсылками к немому кино 1930-х годов, но при этом всё в нём немного преувеличено — ровно настолько, чтобы подчеркнуть забавное, но не превратить балет в карикатуру. Бравые физкультурники, пионеры, шайка хулиганов — все очень веселят публику. Апофеоз этого веселья — физкультурная пира-

мида из людей, одетых в противогазы: дело-то происходит во время учений по гражданской обороне.

По признанию Мирошниченко, танцевать в противогазах очень неудобно...

Прелестно исполняет роль Машеньки Фунтиковой Наталья де Фробервиль, так славно играющая деревенское девчачье простодушие. Её возлюбленный со странным именем Стопка Курочкин (Артём Мишаков) — тоже миляга; но бенефисом этот балет стал для Сергея Мершина, играющего начальника манёвров Бейбуржуева. Танцовщику не в первый раз представился случай продемонстрировать комический талант: в миниатюре Каэтано Сото на музыку Баха Quotidiano он вместе с той же Натальей де Фробервиль играет ссору молодой пары... из-за зелёного носка. И там, и здесь Мершин приятно удивляет умением броско и эксцентрично комиковать, не теряя при этом чёткости танца.

В «Условно убитом» Алексей Мирошниченко написал для него довольно длинный прозаический текст — лекцию об отравляющих веществах, составленную на основе подлинных брошюр довоенного времени. «Читая» лекцию, Мершин сопровождает этот намеренно занудный текст непередаваемо уморительной пантомимой! Да и в остальных эпизодах этого весёлого балета Мершин умудряется поддерживать комичность персонажа, нигде не переходя грань с кривлянием.

Всё это буйство креатива отлично ложится на музыку, которая буквально провоцирует на эксцентрику. В бодрых мелодиях Шостаковича то и дело проскальзывают насмешливые голоса духовых или энергичные соло ударных. Оркестр MusicAeterna все акценты отгрызает преувеличенно внятно, изо всех сил встраиваясь в действие спектакля. Внешний вид музыкантов отчётливо намекает на джаз-бэнд 1930-х годов: белые рубашки, галстуки-бабочки, подтяжки... Маэстро Теодор Курентзис за пультом и приплясывает, и со сценой общается — безмолвно, но активно.

Энергия и со сцены, и из оркестровой ямы такая, что зрители, по признанию некоторых особо восторженных представителей публики, «оздоравливаются и омолаживаются». Настоящий «наш ответ» кризису и прекрасный пример правильного отношения к жизни.

«Условно убитый»: лирическое соло Бейбуржуева (Сергей Мершин)

ВЕРНИСАЖ

В ритме счастья

В галерее «25/17» открылась выставка живописи, созданной под тропическим солнцем

Юлия Баталина

Шесть лет назад молодая художница Анастасия Саутенко покинула родную Пермь, где не так давно выучилась на психолога и начала активно заниматься живописью. Все, кто знает Настю, в один голос утверждают: она очень ищущий человек. Всегда ищет себя, всегда хочет каких-то новых средств самовыражения. Даже то, что она одновременно училась таким разным материям, как психология и живопись, говорит о том же — о постоянных поисках своего предназначения.

Поиски продолжились за пределами Перми: сначала в Москве, в академии современного искусства при ГЦСИ, затем в загадочных буддистских странах — Индии, Непале. В Непале Анастасия вышла замуж и получила новую фамилию — Георгиевская. Вот уже два года семья живёт на острове Шри-Ланка. Там Анастасия создала свой, как она говорит, главный творческий проект — родила сына. При этом, где бы она ни находилась, художница всегда активно участвует в местной творческой жизни. В Шри-Ланке у неё уже полно знакомых и единомышленников, проходят выставки, издаются альбомы.

Из пермского культурного пространства она тоже никуда не исчезает: то на «Арт-Перми», то на «Живой Перми» появляются художественные проекты Анастасии Георгиевской. Проектное мышление — весьма заметная особенность её творчества: она крайне редко пишет отдельные, ни с чем не связанные картины, обычно это большие, содержательные серии.

Вот и на выставке, открывшейся в галерее «25/17» 21 мая — в один день с Дягилевским фестивалем, представлены две такие серии, между которыми уместились несколько важных для автора лет.

Серия «Потерянные лица» создавалась в 2013 году, ещё в Москве. Художница захотела поспорить с одной из черт современной жизни — отсутствием визуальной анонимности. Современного человека преследует собственное лицо — не только в зеркале, но и в многочисленных документах, доказывающих, что человек этот — не самозванец, не подделка. Неудивительно, что в социальных сетях люди частенько уходят и от подлинного имени, и от подлинного облика — придумывают ники и аватары. По мысли художницы, человек устаёт от идентичности самому себе, стремясь немного побыть кем-то другим, а ещё лучше — никем, ощутить свободу от собственной личности.

В серии «Потерянные лица» — множество портретов без лиц. В фас и в профиль, поодиночке и толпой. Каждый отсутствующий лик — загадка, но в них угадывается многое: кажется, что вот

ФОТО ИРИНА МОЛОКОТИНА

это — молодая женщина, блондинка, а это — очкарик средних лет. Никаких глаз, ртов и носов, одни лишь контуры, но и они несут в себе нечто личностное. Конечно, это метафора — метафора непознаваемости внутреннего мира человека. Сама по себе идея этой непознаваемости не нова и не оригинальна, интересен способ её подачи. У Анастасии Георгиевской в каждой картине присутствует чёткий внутренний ритм, яркие, но в то же время сложные краски. Колорит её работ всегда узнаваем.

Этот внутренний ритм перешёл и в следующую, совсем недавно созданную серию художницы — «Материнский капитал», посвящённую рождению сына. По словам Анастасии, название ироническое: ей, конечно, никакой материнский капитал не светит. Но есть эмоциональный капитал — опыт новых переживаний, для передачи которого у художницы не нашлось чётких, предметных образов. Появилась серия из камерных диптихов и триптихов, в абстракциях передающих разнообразие состояния и настроения: «Открытая книга» — «Закрытая книга», «Рассвет» — «Закат»... Содержание этих полотен — цвет и напряжённый ритм.

По мнению Анастасии Георгиевской, эмоциональное напряжение раннего материнства таково, что мир воспринимается не предметно, а чувственно. Серия абстрактных полотен «Материнский капитал» — попытка средствами живописи передать тепло тропического пляжа, игру теней среди зелени сада, оттенки южного неба. Не пляж, сад или небо, а именно тепло, тени и оттенки. Удивительное свойство этих беспредметных картин — то, что они действительно передают определённое настроение — настроение чистого счастья.

Выставка живописи Анастасии Георгиевской будет работать в галерее «25/17» до 21 июня.